

Миливое Иванович

Поэт — воин Божьей справедливости

Самое раннее стихотворение Каннегисера «Дон Жуан», написанное в 1912 году «*вместо классного сочинения*», программно. В нем, конечно, нет ничего «из Кузмина», оно, скорее всего, является ответом на «Дон Жуана» Гумилева, иронизирующего над образом постаревшего героя (см. гумилевскую концовку: «*Я вспоминаю, что, ненужный атом, / Я не имел от женщины детей, / И никогда не знал мужчину братом*»); об «ответном» характере данного стихотворения говорит также то, что оно, как и гумилевское, написано в сонетной форме.

Дон Жуан начинающего поэта — избранник «*пленительного стана героев*», вдохновивших многих художников (от Тирсо де Молина до Байрона); в заключительных строках стихотворения раскрывается, чем герой этот пленил Каннегисера: «*Люблю его! Он — враг небесных скучных стран. / Могучий дух борьбы, нанесший столько ран / Сердцам, тупеющим в недвижности покоя*».

С такими по-лермонтовски воинствующими настроениями Каннегисер встретил мировую войну. На это событие он откликнулся переводом «Гимна» Гюго во славу павших и их идейных последователей, однако война из Каннегисера, в отличие от Гумилева, не сделала «своего» поэта.

Дело в том, что ее начало застало его в Италии, а когда он вернулся на родину, родители воспротивились его уходу на фронт добровольцем. К тому же сам Каннегисер колебался, идти или нет ему на мировую бойню (он подумывал также о том, не следует ли ему уйти в монастырь), о чем сохранились соответствующие записи из дневника, приведенные в статье Алданова.

Так или иначе, в стихотворениях 1915 года обнаруживаются восхваление св. Франциску — «брату» травок и ромашек, находящемуся «*всегда в пути*» для

того, чтобы свидетельствовать о единстве мира и внутренней необходимости, подобно герою тютчевского «Странника», повсеместно «*славить Бога*» («*Стихи о Франциске*»), подражания ахматовским и прочим «народным» героиням («*Я чехлы надела*»), даже ода «*каменному ложу*» Леты («*Вода и кровь струятся в лад*»), но нет прямых отсылок к военной сцене.

Отсутствуют эти отсылки и в стихотворениях 1916 года, возникших уже после забываемого «нездешнего вечера», описанного в одноименном очерке Цветаевой. Сюжеты данных текстов гораздо богаче и разветвленнее, чем в предыдущих стихах.

Здесь в первую очередь выделяются стихи на тему «единой цели» автора — «*вывести (...) душу к дивному просветлению, к сладости неизъяснимой*» через религию или через ересь, запечатленную в его дневниковых записях («*В юдольной неге милых встреч*»); они, как правило, ведут к более проникновенным славословиям Бога, который «*и в жизнь, и в смерть*» вводит «*легкою рукой*» («*Сердце! Бремени не надо!*»), без веры в которого «*сердце сыро*» и «*праздные томят мечты*» («*Ярославль*», стихотворение, посвященное Есенину, «*доброму другу*» и «*милому брату*»).

Каннегисеру, «*страстно*» жаждущему «*мира чистоты и простоты*», претит всякая, вразрез с пониманием Божьей справедливости идущая историческая подлость, будь то казнь Марии Антуанетты («*Казнь*») или зверское убийство Распутина («*...подо льдом, подо льдом*»).

В 1917 году Каннегисер предстает уже вполне сформировавшимся поэтом. Вместе с тем в его стихи проникают отклики его новых настроений —

равновесия. Вместе с тем в его стихи проникают отклики его новых настроений —

Сердце! Бремени не надо.
Легким будь в земном пути,
Ранней ласточкой из сада
В небо синее лета.

Видишь: лестницей воздушной
Прямо к облакам цветным,
Вон, идет от жизни душной
Голубой и легкий дым.

Грянет гром, и золотая
Гневно выпрыгнет стрела,
Если туча молодая
В небе влагой тяжела.

Плакать, сокрушаться рано;
Легок день, и ночь легка,
Легче серого тумана
Улетучится тоска.

Вижу, верю, вспоминаю,
Ласковый Господь со мной.
Он и в жизнь, и в смерть, —
я знаю, —
Вводит легкою рукой.

23 августа 1916 г.
С-Петербург

настроений человека, почувствовавшего призвание защищать «*февральскую*» свободу. Поэт впервые говорит о «*справедливой*» войне против «*бесов*», о «*веселой смерти*», о Марсельезе («*Смотр*»).

Последние две строфы этого стихотворения (о строке которого «*Керенский на белом коне*» вспомнил в «*Анне Снегиной*» Есенин, уже прочно забывший недавнего друга), являются поистине пророческими, несмотря на то, что Каннегисер погиб более страшной смертью.

Стихотворение «*О, кровь семнадцатого года*», помимо установки на смерть — «*назначенье*» и «*бессмертие*» в смерти, интересно также темой искусства, которое «*не терпит болтовни*»; по мысли поэта, до умирания «*в сладость*» должны быть претворены «*себялюбивое мученье, тоска и жалкие слова*», означающие суть поэтического творчества.

В 1918 году Каннегисер создал лишь три стихотворения, обладающие, тем не менее, всеми чертами шедевров: «*Журфикс*», «*Запустенье*» и «*Снежная церковь*». Их объединяет мотив «*голоса*», лейтмотивным образом определяющего также «*Похищение*» и «*Сон*», написанных годом раньше.

Речь идет, собственно, о трех «*голосах*» — «*губящем*» (русалки), от которого необходимо уйти вовремя («*Журфикс*»), «*исчезающем*» вследствие торжества «*мышинной возни*» — Рокка над человеческими желаниями («*Запустенье*», варьирующее мотив блестящего одноименного стихотворения Баратынского), и «*вновь обретенном*» в результате итоговой победы всеохватывающего «*коло-*

кольного звона» — символа вечности (блоковское «*пение меди*» из «*Равенны*» в «*Снежной церкви*»).

На этом обрывается творческий путь Леонида Каннегисера.

В его небольшом поэтическом наследии прослеживаются разные тенденции.

С одной стороны, Каннегисер следует традициям юного, вольнолюбивого Пушкина и «*скитальца*» между небом и землей Лермонтова; линия эта имела продолжение в творчестве «*скитальцев*» уже XX века Блока и Гумилева, которые также повлияли на автора «*Снежной церкви*».

С другой стороны, Каннегисер наследовал философскую ориентацию Баратынского и Тютчева, а также французских символистов вроде Малларме (ср. мотивную близость «*Запустенья*» триптиху сонетов Малларме 1887 года).

Что же касается не раз подчеркиваемой его зависимости от Кузмина, она лишь условна; «*кузминское*» на поверку оказывается данью поэтике акмеизма (установка на детали вещного мира и пр.), и, может быть, Кузмин воздействовал на Каннегисера только апологией «*предназначенности*» человеческого пути и ролью в этом плане вожатого — Бога, обосновывающими сюжет стихотворения «*Находит странное молчание*», кстати, опубликованного в 1914 году в «*Северных записках*», сотрудником которых был и Каннегисер.

Идейная непреклонность Каннегисера, возможно, не имеющая прецедента не только в истории русской литературы, лишила его возможности стать большим поэтом.

Русская же поэзия потеряла в его лице одного из наиболее обнадёживающих поэтов Серебряного века.

Белград